

Тосака Дзюн: проблемы пространства и времени в «философии повседневности»

Любовь Борисовна Карелова

Институт философии РАН, Москва, Россия
lbkarelova@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-8207-801X>



Аннотация. Статья посвящена анализу теории пространства и времени в работах японского философа-неомарксиста Тосаки Дзюна, одного из первых в своей стране критиков западной философии и одновременно последователя одного из её же направлений. Актуальность изучения этого феномена культуры состоит в возможности дополнить знания об азиатских философиях на фоне текущего «поворота на Восток». Эмпирическую базу исследования составляет цикл работ Тосаки, написанных в 1920–1930-х гг., а также его книга «Японская идеология». В статье использованы метод сравнительного анализа, дискурс-анализ, а также (на основе анализа понятий и терминов) приёмы логико-смысловой реконструкции системы идей, связанных с определённой проблематикой. Цель работы — на примере философии Тосаки исследовать содержание и особенности трактовки пространства и времени в японской мысли XX в. в контексте обсуждения роли повседневности как эпистемологического основания философских учений. В связи с этим реализуется задача выявления оригинальных решений и подходов японского мыслителя, позволяющих считать его наследие значимой частью историко-культурного процесса, а также уяснить значение его философских идей в современных дискуссиях. Другой важной задачей исследования является определение путей миграции и трансформации идей, в частности преломление и критическое переосмысление западных концептов в японском интеллектуальном пространстве. В результате впервые в научной литературе представлена развёрнутая реконструкция проблематики пространства и времени на основании всего корпуса посвящённых ей работ Тосаки Дзюна. Обоснован вывод, согласно которому путём введения ряда понятий («повседневное пространство», «историческое время», «характер», «конфигурация», «актуальность» и др.) и отказа от традиционных для марксизма представлений о линейности времени и ценностного подхода к истории японский философ переосмыслил марксистскую философию истории с позиции своей теории повседневности и здравого смысла, создав оригинальную модель неравновеликих циклов, формирующихся изнутри исторического целого и обладающих внутренней завершённостью, и, таким образом, представил историю как нелинейный и неравномерный процесс, имеющий не только временное, но и пространственное измерение.

Ключевые слова: Тосака Дзюн, пространство, время, историческое время, здравый смысл, повседневность, актуальность, экзистенциальность, характер

Для цитирования: Карелова Л.Б. Тосака Дзюн: проблемы пространства и времени в «философии повседневности» // Концепт: философия, религия, культура. — 2024. — Т. 8, № 4. — С. 7–21. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-4-32-7-21>

Research article

Tosaka Jun: Problems of Space and Time in The Philosophy of Everydayness

Liubov B. Karelova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
lbkarelova@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-8207-801X>

Abstract. The article is focused on the analysis of the theory of space and time by the Japanese neo-Marxist philosopher Tosaka Jun. Tosaka was one of the first in his country to act as a critic of Western philosophy, whilst also being a follower of one of its directions. The relevance of studying this cultural phenomenon lies in the possibility of supplementing knowledge about Asian philosophies in the context of the ongoing *pivot to the East*. The empirical basis of the research was a series of Tosaka's essays written in 1920-30s focused on the problems of space and time, as well as his monograph *"Japanese Ideology"*. The main methods used in the article were the methods of comparative analysis, discourse analysis, and (based on the analysis of concepts and terms) the techniques of logical and semantic reconstruction of the system of ideas associated with a particular problem. The author sets the goal of investigating the content and features of the interpretation of space and time in Japanese thought of the 20th century using the example of Tosaka's philosophy in the context of discussing the role of everydayness as an epistemological basis for philosophical teachings. In this regard, the task of identifying the original solutions and approaches of the Japanese thinker was realized, allowing us to consider his legacy a significant part of the historical and cultural process, as well as to understand the significance of his philosophical ideas in modern discussions. Another important task of the study was to determine the paths of transfer and transformation of ideas, in particular, the refraction and critical rethinking of Western concepts in the Japanese intellectual space. As a result, for the first time in scientific literature, a detailed reconstruction of the problems of space and time, based on the entire body of Tosaka's works is presented. The conclusion is substantiated that by introducing a number of concepts (*everyday space, historical time, character, configuration, relevance, etc.*) and rejecting traditional Marxist ideas about the linearity of time and the value approach to history, the Japanese philosopher rethought the Marxist philosophy of history from the position of his theory of everyday life and common sense, creating an original model of unequal cycles formed from within the historical whole and possessing internal completeness, and, thus, presented history as a non-linear and uneven process that has not only a temporal but also a spatial dimension.

Keywords: Tosaka Jun, space, time, historical time, common sense, everydayness, actuality, existentiality, character

For citation: Karelova, L. B. (2024) 'Tosaka Jun: Problems of Space and Time in the Philosophy of Everydayness', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 8(4), pp. 7–21. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-4-32-7-21>

Введение

Имя Тосаки Дзюна — философа с трагической судьбой, умершего в тюрьме в 1945 г., известно в России в связи с переводом его книги «Японская идеология» («Ниппон идэороги рон», 1935), вышедшим в 1982 г. [Тосака, 1982]. В ней он выступает как критик японского милитаризма и доказывает его глубинную связь с развитием капитализма и либеральной культуры [Тосака, 1982: 231–236]. Выводы Тосаки относительно перерождения либерализма в фашизм перед Второй мировой войной звучат сегодня чрезвычайно актуально. И именно этот аспект его наследия, по мнению американского японоведа Харри Харутюняна, оказался крайне неудобным в послевоенной Японии, взявшей курс на либерализацию, и стал причиной его нарочитого забвения [Harootunian, 2013: xviii].

Тосака представляет когорту философов-марксистов, отпочковавшихся от Киотоской школы учеников Нисиды Китаро и Танабэ Хадзимэ, выступавших с критикой их философских идей и методологии. Именно Тосака ввёл в употребление название «Киотоская школа» [Prooi, 2020: 312]. От мейнстрима этой школы его отличали увлечение материализмом, а также резкая социальная критика и внимание к повседневной жизни обычных людей [Kosuke, 2015: 11], трансформировавшееся в философскую теорию. Вместе с тем исследователи отмечают, что несмотря на критику со стороны Тосаки, «Нисида всё ещё фигурирует в его методологии и практике, которые также ориентированы на расширение понимания субъекта, активно вовлечённого в пространственно-временной динамический мир» [Brink, 2021: 113]. Так же, как и в философии Нисиды, субъект у Тосаки носил релятивный характер, а опыт непосредственного переживания реальности имел для него первостепенное значение, в то же время в широком применении концепта «опосредования» прослеживается влияние и его учителя Танабэ Хадзимэ.

Тосака был одним из основателей и руководителем японского «Общества по изучению материализма», а также редактором журнала «Материалистические исследования», просуществовавших с 1932 по 1938 гг. В 1938 г. по распоряжению властей общество было распущено и издание журнала прекращено, а Тосака и другие члены группы были арестованы по обвинению в нарушении Закона о поддержании общественной безопасности, принятого в 1925 г. и запрещающего создание организаций, критикующих доктрину национального единства кокутай и частную собственность [Хирабаяси, 1965: 209].

Вместе с тем Тосака Дзюн практически первым в Японии создал философскую теорию пространства, которая содержит ряд весьма интересных и оригинальных идей, а также концепцию «исторического времени», представляющую собой попытку объяснить неравномерность и нелинейность исторического процесса.

Особенностью подхода Тосаки стала разработка эпистемологии здравого смысла и повседневности. К началу 1930-х гг. он уже обозначил новое призвание философского размышления как восстановление повседневности в том виде, в каком она проживалась в капиталистической Японии, в отличие от трансцендентальной заботы, выходящей за рамки социальной реальности. Этот подход лёг в основу рассмотрения проблем пространства и времени в его философии.

Концепция повседневности Тосаки появилась чуть раньше выхода в свет в 1936 г. незаконченной книги Гуссерля «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», где впервые вводится в оборот термин *Lebenswelt* («жизненный мир»), близкий по смыслу понятию повседневности, естественной установки, а также публикации 1-го тома «Критики повседневности» в 1936 г. французского неомарксиста Лефевра, который поставил категорию повседневности в центр своей философии, на что обратила внимание в своей статье профессор Юн [Yoon, 2020].

«Повседневность» и «здоровый смысл» как эпистемологические основания

Реконструкцию концепций пространства и времени, которые начали формироваться уже в период обучения Тосака в Киотоском университете, целесообразно предварить введением в оборот его представления о повседневности. Впервые Тосака Дзюн ставит проблемы здравого смысла и повседневности в эпистемологическом ракурсе в статье 1928 г. «Анализ концепта пространства» [戸坂潤, 1966а: 477–517]. Идеи здравого смысла и повседневности он заимствует у представителей Шотландской школы здравого смысла, в частности Томаса Рида (1710–1796), взгляды которого критически анализирует в разных работах.

Своё понимание «здравого смысла» и «повседневности» Тосака формулирует следующим образом. Тосака обращает внимание, что, прежде чем стать научными терминами, описывающими в том числе пространство и время, слова являются словами повседневного языка. При этом он подчёркивает: «Фактически, только используя этот повседневный язык в качестве основы, мы можем понять эту терминологию единым образом» [戸坂潤, 1966а: 483]. Также он пишет: «Концепты специальных наук всегда возникают на почве понятий здравого смысла. Поэтому анализ пространства следует начинать с анализа понятий здравого смысла... Это базовые понятия, которые являются более фундаментальными с точки зрения исторических и социальных истоков» [戸坂潤, 1966а: 491]. Понятия здравого смысла Тосака характеризует как «схватывающие», которые «непосредственно указывают на реальность» [戸坂潤, 1966а: 481]. Он отличает их от «конструктивных» понятий специальных наук, которые образованы рационально и состоят из логических элементов [戸坂潤, 1966а: 480].

В статье «Анализ концепта пространства» Тосака отмечает важность различения понятий «обыденность» (*фуцу:сэй*) и «повседневность» (*нитидзё:сэй*), рассматривая первую как «факт повторения

определённых действий», а вторую как «задачу, возложенную на нас», подчёркивая связь повседневности с определённой формой понимания, которое не даётся само собой, а вырабатывается в процессе конкретной социальной практики [戸坂潤, 1966а: 491]. Таким образом повседневность выступает как особым образом от-refлексированная конкретная жизненная среда во всём многообразии её связей.

Ещё одно определение было предложено в статье «О повседневности», датированной 1934–1939 гг. В этой статье Тосака призывает к философскому анализу понятия «повседневности», который ранее не предпринимался. В качестве наиболее адекватного понятия, выражающего принцип повседневной жизни, Тосака предлагает понятие «актуальность» (*дзиссайсэй*) [戸坂潤, 1966с: 137], которое он связывает с конкретной практической деятельностью, текущими событиями [戸坂潤, 1966с: 138], противопоставляя их метафизическим построениям. Повседневность для него является основой для формирования «здравого смысла» (*дзё:сики*), или «обыденного сознания» общества.

Формулируя своё определение здравого смысла, Тосака видит его основания в убеждённости или вере повседневной жизни (*нитидзё: сэйкацу-но синрай*) [戸坂潤, 1966а: 464]. Он характеризует его как «повседневное знание, ценное и независимое», сопоставимое по значимости с научным знанием [戸坂潤, 1966а: 490]. При этом здравый смысл в понимании Тосака обладает динамикой и способен трансформироваться вслед за изменением конкретных жизненных обстоятельств. Тосака отмечает, что «у Рида здравый смысл совершенно не может прогрессировать, является неизменным и консервативным» [Тосака, 1982: 53]. Он считает ридовское понимание слишком упрощённым, поскольку оно не учитывает его «антиномичность, противоречивость и паралогизм, составляющие его суть» [Тосака, 1982: 59].

Подход, исходящий из эпистемологии повседневности и здравого смысла выступил в качестве основы переосмысления представлений о пространстве и истории.

Теория пространства Тосаки Дзюна — постановка проблемы

Первые работы Тосаки Дзюна, посвящённые проблемам пространства, были изданы сразу после окончания им Киотского университета. Они вошли в подборку статей «О пространстве» («Ку:кан-ни цуйтэ») [戸坂潤, 1966a: 365–517], опубликованную в первом томе полного собрания сочинений Тосаки Дзюна. Среди них — «До появления [теории] физического пространства (Теория пространства Канта)» (Буцуритэки ку:кан-но сэйрицу мадэ (Канто-но ку:кан рон) (1924) [戸坂潤, 1966a: 365–387], «Реализация физического пространства» («Буцуритэки ку:кан-но дзицугэн») (1924) [戸坂潤, 1966a: 387–400], «Геометрия и пространство» («Кикагаку то ку:кан») (1926) [戸坂潤, 1966a: 400–428]), «О пространстве как категории» («Хантю: то ситэ ку:кан-ни цуйтэ») (1926) ([戸坂潤, 1966a: 428–461]), «Анализ концепта пространства» («Ку:кан гайнэн-но бункэцу») (1927–1928) ([戸坂潤, 1966a: 477–517]), «Пространство как характер. Контуры теории» («Сэйкаку то ситэ ку:кан. Рирон-но ринкаку») (1927) [戸坂潤, 1966a: 462–476]. Его выпускная дипломная работа «Теория пространства» легла в основу книги «Методология науки», опубликованной в 1929 г., а её переработанный вариант был опубликован также в виде брошюры в 1931 г.

Во введении к работе «Теория пространства» («Ку:канрон»), обобщающей его исследования проблематики пространства, Тосака обращает внимание на то, что хотя «пространство стало объектом изучения почти всех теорий и наук и что проблема пространства проникла во все области», тем не менее «каждый подход к проблеме предпринимается независимо, без связи с другими, и поэтому победил фрагментарный подход, и она трактуется как лишь частная проблема» [戸坂潤, 1966b: 239].

Обращаясь к истории философии, Тосака находит пример наиболее адекватного понимания пространства в древнегреческой натурфилософии, которая, по его мнению, была выстроена вокруг проблемы пространства. Так, для Парменида «быть» означало «быть пространственным».

В этом случае Бытие рассматривалось как единое с пространством, оно и было пространственным Бытием. Следующим в этой традиции Тосака называет Пифагора (ок. VI в. до н. э.), или Пифагорейскую школу. Для Пифагора основным принципом Бытия было число. Например, число один определяло точку, два — линию, три — плоскость и т.д. Далее Тосака упоминает Демокрита, которой продолжил линию ассоциации пространства и бытия в своей атомистической теории [戸坂潤, 1966b: 240–241].

Вместе с тем Тосака с сожалением констатирует, что, уже начиная с постсократической философии и далее, проблемам пространства стало уделяться всё меньше внимания в отличие от проблем времени. Он утверждал, что только с позиции материализма проблема пространства может быть поставлена должным образом и осмыслена в достаточной мере [戸坂潤, 1966b: 241].

Отмечая этот недостаток, Тосака ставит задачу рассмотреть вопросы пространства как ключевые философские проблемы, поскольку «видимый, осязаемый и слышимый нами этот реально существующий мир (*дзицудзайкай*) не может быть отделён от какой-то пространственной определённости» и поскольку «каждый день нашей жизни проходит под контролем этого пространства» [戸坂潤, 1966b: 239].

Критика кантианского взгляда на пространство

Исследование проблем пространства Тосака не случайно начал со знакомства и критического анализа работ И. Канта и кантианцев, которые представляли наиболее популярное тогда направление в философии как в самой Германии, так и за её пределами. Известно, что ещё в студенческие годы он сам перевёл книгу В. Виндельбанда «Свобода воли».

В статье «До появления [теории] физического пространства (Теория пространства Канта)» японский философ анализирует кантовский подход, согласно которому пространство рассматривается не как понятие, а как «форма интуиции»,

как «принцип, который делает возможным априорное синтетическое знание» [戸坂潤, 1966a: 365], и признаёт, что Кант является для него отправной точкой [戸坂潤, 1966a: 365].

Комментируя и критикуя подходы Канта, Тосака начинает связывать кантовскую априорную интуицию с идеей повседневности и здравым смыслом. Он пишет: «Пространство — это норма, устанавливающая внешний мир, который невозможно интернализировать навсегда... Априорную природу, которую Кант придаёт пространству, следует, так сказать, интерпретировать именно как эту нормативность... Совершенно невозможно думать о такой норме, как пространственность, как о стоящей отдельно от сознания реальности...» [戸坂潤, 1966a: 368]. Продолжая эту мысль, Тосака заключает, что пространство «принадлежит субъективности повседневной жизни».

Таким образом Тосака берёт на вооружение идею пространства как интуиции, которая «предшествует ясному знанию», но основы этой интуиции усматривает в опыте повседневности. Пространство для него — это прежде всего «понятие пространства», но особое «понятие, которое выражает не специфический характер пространства, а его первичное понимание, обусловленное непосредственным восприятием» [戸坂潤, 1966a: 476].

Пространство повседневности и научные понятия пространства специальных наук

Тосака различает подходы к пространству и времени философии и специальных наук, которые апеллируют к различным «феноменальным формам» пространства и времени, в результате чего образуется множество видов пространства и времени.

Рассуждая об основных феноменальных формах пространства он выделяет следующие: первое — интуитивное пространство (пространство психологии; второе — геометрическое пространство (математическое пространство); и третье — пространство физики [戸坂潤, 1966b: 244]. По его мнению, «понятия о пространстве для этих

трёх дисциплин должны вырабатываться специальными науками: психологией, геометрией, физикой и так далее» [戸坂潤, 1966b: 244–245].

Именно бытовое понятие пространства, которое, по словам Тосаки, «люди непосредственно используют в своей повседневной жизни», ближе всего отражает пространство как таковое, представляет собой его первичную феноменальную форму и образует «общий фундамент, лежащий в основе концепций интуитивного пространства, пространства геометрии и пространства физики» [戸坂潤, 1966b: 263]. Тосака подчёркивает, что «повседневное пространство есть не что иное, как место практики» [戸坂潤, 1966b: 264], т.е. тот ориентир, который возникает и используется в процессе деятельности конкретного социума.

Японский философ выделяет единую основу всех феноменальных форм и специальных понятий пространства, которой считает представление о пространстве, образованное здравым смыслом: «Пространство, которое соответствует этому обыденному понятию здравого смысла — повседневное пространство (*нитидзэ:тэки ку:кан*) — является абстракцией пространства как такового в его непосредственной форме. Напротив, концепции пространства в трёх вышеперечисленных областях представляют собой абстракции опосредованных форм пространства — они опосредованы построением концепций в рамках специальных наук. Истинное определение пространства не может быть дано иначе, как благодаря синтезу непосредственного и опосредованного [戸坂潤, 1966b: 245].

Именно на основе анализа повседневного пространства, характеризуемого как непосредственное, по мнению Тосаки, может быть выстроена адекватная философская теория пространства. Об этом он пишет следующее:

«До сих пор мы рассматривали интуитивное пространство, геометрию и пространство физики — всё это лишь отдельные феноменальные формы единой сущности пространства. Если мы хотим по-настоящему исследовать проблему пространства, понять пространство как

концепт, мы должны преодолеть перспективы специальных наук — психологии, геометрии и физики — и настаивать на общетеоретической... философской перспективе... Прежде чем люди создали концепции пространства в психологии, геометрии или физике, они должны были сначала иметь единое общее понятие пространства. Поскольку эта концепция пространства не построена на знаниях, которыми обладают специализированные науки, это неспециализированное, повседневное понятие пространства» [戸坂潤, 1966b: 260].

Повседневное пространство и его характеристики

Приступая к построению философской концепции пространства, Тосака начинает с критики. Он утверждает, что это непосредственное понятие пространства (*тёкусэцу-но ку:кан гайнэн*), которое должно быть взято за основу, философы, такие как Кант, Brentano, Хайдеггер и др., заменяют концепциями и теориями пространства, в результате такого рода замещений возникают искажения [戸坂潤, 1966b: 260]. Причину искажений Тосака усматривает в стремлении объяснить пространство посредством чего-то иного, либо каких-то внешних аналогий, например, в терминах Бога (Г. Мор, И. Ньютон), или в терминах света (натурфилософ XIII в. Э. Витело) [戸坂潤, 1966b: 260–261]. Также он утверждает, что рассмотрение пространства с позиций логики приводит к его сведению на уровень просто категории, приводя в качестве примера подход Г. Коэна. А. Майнонга он критикует за теорию предполагаемых объектов, применяемую в том числе и к пространству, Канта и Гуссерля — за феноменологический подход с позиции сознания, Гербарта за теорию «интеллигибельного пространства», которую называет крайним примером философской конструкции [戸坂潤, 1966b: 263].

Призывая вернуться к понятию повседневного пространства как к исходному, Тосака доказывает, что отход от него и замещение его какими-либо специализированными и искусственными подходами приводит к «утрате пространства».

Взамен Тосака предлагает анализ представления повседневного пространства «изнутри». Прежде всего он пытается сформулировать в самом общем виде, что именно выражает это обыденное понимание пространства: «Анализируя понятие повседневного пространства, мы обнаруживаем, что оно выражает сингулярное существование (бытийность) — пространственное существование. То, что существует в пространстве, ещё не является непосредственно пространством. По крайней мере, существование — это пространство. Повседневное понятие пространства — это не понятие (пространственного) существа, а понятие пространственного существования» [戸坂潤, 1966b: 261]. Неслучайно в текстах Тосаки можно встретить употребление этих понятий в паре как синонимов — «повседневное пространство — бытийность» (*нитидзё:тэки ку:кан — сондзайсэй*).

Тосака отмечает, что понятие существования — повседневного пространства на протяжении всей истории получало различные словесные обозначения. Первое — это «где» (*ubi*). Второе — место (*locus*). Третье — положение (*situs*). Однако эти наименования выражали лишь отдельные частные аспекты. Было и понятие, выражавшее пространство в целом и употреблявшееся в схоластической теории пространства — это *spatium* [戸坂潤, 1966b: 261]. Последнее Тосака рассматривает как эквивалент понятия пространства, обозначаемого японским словом *ку:кан*, однако подчёркивает, что «изначально оно не выражало то, что должен выражать этот термин, а именно реальное содержание пространства — бытийность, экзистенциальность» [戸坂潤, 1966b: 261].

Продолжая свои усилия по исследованию «повседневного пространства изнутри» Тосака пишет: «Первое, что устанавливает бытийность пространства есть протяжённость (*extensio*). Декарт и Спиноза мыслили протяжённость как атрибут телесных или материальных объектов. Протяжённость имеет три составляющих: измерение (*dimension*), непрерывность и длина» [戸坂潤, 1966b: 261].

Далее он пытается детально описать структуру этих трёх составляющих повседневного пространства, вычленив их основные характеристики. Демонстрируя, что все основные свойства традиционного понимания длины как чего-то измеряемого посредством установленной меры, Тосака обращает внимание на то, что до применения каких-либо мер существовало определение длины посредством сопоставления расположения предметов друг относительно друга, и таким образом длина как характеристика протяжённости повседневного пространства может определяться не на основании измерений, а на основании порядка или «позиционного соотношения» [戸坂潤, 1966b: 262].

Вместе с тем Тосака считает недостаточным ограничиваться исследованием повседневного пространства через определение описывающих его терминов и выявление его структуры. Он пишет, что «на самом деле эти две атрибуты обретают смысл только тогда, когда они ориентированы на третью — определение характера (*сэйкаку*), специфики (*токусэй*) пространства» [戸坂潤, 1966b: 262]. Таким образом для полноты определения феномена повседневного пространства Тосака вводит ещё один термин — «характер», который в его статьях обозначается как японским словом *сэйкаку*, так и немецким словом *Da-Charakter*, изобретённым им по аналогии с хайдеггеровским *Dasein* (здесь-бытие). Цель его привлечения — найти способ определения пространства, не прибегая к аналогиям и показывая его сущность путём прямого указания на неё. Таким образом Тосака пытается показать объективный характер повседневного пространства. Разъяснение этого термина у Тосаки выглядит следующим образом:

«Итак, пространство — бытийность с точки зрения концепции повседневного пространства означает характер, выражающий *Da* — специфическую объективность. Мы не можем использовать другие понятия, чтобы объяснить эту уникальность объективности, выражаемую этим термином *Da*-характер. То есть нет других способов объяснить это, кроме как объяснить

это из себя самого, что делает его изначальным определением. Это *Da* («здесь») представляет именно характер концепции повседневного пространства. Пространство — это не что иное, как здесь-характер вещей» [戸坂潤, 1966b: 262]. Акцентируя объективность как свойство повседневного пространства, он уточняет, что это «способ быть вне субъектов и независимым от субъектов» [戸坂潤, 1966b: 263].

Главным сущностным свойством повседневного пространства, которое выражает его характер, Тосака считает материальность. В результате можно чётко проследить различие между повседневным пространством и пространством самим по себе. Он связывает понятие повседневного пространства с повседневным понятием материи, сформированным здравым смыслом, которые при этом отличаются от понятий пространства как такового и материи как таковой.

Тосака пишет: «Здесь-характер, или материальность, производные от материи, ...по сравнению с самим пространством являются его нечёткими тенями», «лишь смутно концептуализированными в здравом смысле» [戸坂潤, 1966b: 264]. Таким образом пространство как таковое и материя как таковая продолжают оставаться для Тосаки своего рода «вещами в себе», а «повседневное пространство» и «материальность» в определённом смысле являются подобием «пространственности» в феноменологии, — несмотря на то, что он подчёркивает их независимость от субъекта.

Хотя в самом общем смысле характер повседневного пространства заключён в его объективности и материальности, тем не менее он не существует в неизменном виде и в каждом конкретном случае *здесь-характер* пространства раскрывается в самом непосредственном явлении повседневного пространства во всей его конкретности и многообразии.

Поэтому Тосака отличает понятие характера (*сэйкаку*) от сущности (*хонсицу*) — если сущность неизменна и универсальна, характер определяется взаимоотношениями вещей и явлений [戸坂潤, 1966a: 463], поэтому обладает относительностью.

Проблема соотношения пространства и времени

Ещё одной проблемой, на которой сосредотачивается Тосака, стала проблема преодоления «параллелизма пространства и времени». Он анализирует основные подходы к проблеме пространства в истории западной философии и обнаруживает, что именно с эпохи Нового времени пространство и время рассматривались преимущественно как существующие параллельно, при этом часто пространство увязывалось с материальным, а время с духовным началами [戸坂潤, 1966b: 243].

Оспаривая идею параллелизма пространства и времени, Тосака выдвигает следующий аргумент. Во-первых, он предполагает наличие неких сущностных форм пространства и времени (*ку:кан соно моно*, *дзикан соно моно*), недоступных для нашего полного познания. Допуская, что невозможно сравнить все возможные конкретные примеры пространства и времени, он утверждает: «Пространство и время, которые мы можем представить, когда непосредственно рассматриваем какую-либо проблему, будут лишь различными феноменальными формами сущностного пространства или времени. И поэтому в этих случаях мы сможем лишь заключить, что какая-то одна феноменальная форма пространства и какая-то единственная феноменальная форма времени находятся в параллельном отношении. Без рассмотрения всех других случаев в каждом конкретном случае мы вообще ничего не можем сказать о том, имеют ли все или какие-либо другие феноменальные формы времени и пространства параллельные отношения или нет» [戸坂潤, 1966b: 243].

Задаваясь вопросом, как же всё-таки связаны время и пространство, Тосака обращается к физике и находит пример соединения времени и пространства в физическом определении материи. Он рассуждает так: «В мире физики материя определяется временем и пространством. Материя движется. Связь пространства и времени опосредуется материей и движением. Безусловно это —

лишь один пример, который демонстрирует связь времени и пространства» [戸坂潤, 1966b: 244].

Тосака стремится к нахождению оснований для вычленения «пространства как такового» и «времени как такового» и установления соотношения между ними. И эти основания он находит в движущейся материи: «За всеми этими разнообразными феноменальными формами, вероятно, стоит пространство, сущность пространства, само по себе пространство, и ... это пространство и время (время как таковое) могут быть связаны через опосредование движения и материи (философской категории движения и материи)» [戸坂潤, 1966b: 244].

Пространство как таковое для него — «это пространство, которое объединяет различные феноменальные формы» и которое «может быть постигнуто только непосредственно». Пространство и понятие пространства соотносятся друг с другом, по словам Тосаки, как «реальность и путь к реальности» [戸坂潤, 1966a: 470].

Пространство как таковое, объединяющее все феноменальные формы пространства, не может быть описано изолированно от диалектического единства времени, материи и движения. В установлении этого диалектического единства Тосака видит способ преодоления параллелизма времени и пространства.

Таким образом, хотя Тосака и претендовал на определение пространства безотносительно к чему-либо, фактически он пришёл к определению пространства через понятие материи. Пространство, материя, движение он рассматривает лишь как разные стороны бытия. Так он пишет: «Этот характер, который является характером пространства, всегда был характером самой материи, а пространство есть не что иное, как абстракция этого единого характера... Таким образом, само пространство состоит в диалектическом соотносительном единстве со временем, движением и философской материей. Это аналогично случаю с физической материей или физическим пространством» [戸坂潤, 1966b: 265].

Исходя из этого взгляда, Тосака предлагает свою версию соотношения пространства и времени как сторон движущейся материи, отрицая при этом их параллелизм и допуская абстрагирование каждой из этих сторон.

Закljučая свою работу «Теория пространства», Тосака подводит следующий итог: «Различные феноменальные формы пространства, которое мы знаем, и есть само пространство как таковое, или сущность пространства. Пространство само по себе — это то, что проявляется в феноменальных формах. Именно благодаря этой сущности пространства феноменальные формы пространства могут обладать относительным единством, включающим в себя взаимные различия и ограничения. Это предельное пространство представляет собой диалектическую возможность существования материи (которую следует понимать в философском, а не в физическом смысле). Именно это пространство выражает само объективное существование материи. Таким образом, пространство сводится к материи. Проблема пространства — пространственная теория — сводится к проблеме материи [戸坂潤, 1966b: 256].

Время и история

Проблеме времени, понимаемому как историческое время, посвящена статья Тосаки «Принцип повседневности и историческое время» («Нитидзё:сэй-но гэнри то рэкиситэки дзикан», 1930) [戸坂潤, 1966d: 95–104]. В ней Тосака опирается на две фундаментальные категории своей философской концепции — «историческое время» и «повседневность». Здесь он пытается предложить новое понимание времени, отличное от распространенного тогда феноменологического подхода. Тосака пытается преодолеть ситуацию, когда представление о времени и истории замыкается исключительно на сознании и проблемы времени рассматриваются как проблемы сознания, а понятие исторического времени предстает как дополнение ко времени, которое раскрывается в сознании. Путь

к преодолению этой ситуации он видит в отказе от феноменологии при рассмотрении исторического времени.

И в этом он опирается опять же на идею повседневности, говоря теперь уже о «принципе повседневности», который управляет чрезвычайно широкой областью явлений, в том числе человеческой историей.

Обозначая свою позицию, он подчёркивает: «Проблема повседневности связана с общей, можно сказать, абстрактной структурой истории. Проблема касается принципа истории. Если мы говорим о таких вещах, как принцип истории или общая структура истории, то мы обнаруживаем, что обращаемся к теории времени — историческому времени. А если задаться вопросом, «какова природа исторического времени, то для ответа на него мы столкнемся с проблемой существования и характера принципа повседневности» [戸坂潤, 1966d: 95].

Тосака предостерегает от восприятия исторического времени как времени, относящегося к области сознания, как феноменологического времени. Согласно учёному, если рассматривать феноменологическое время в качестве основы исторического времени, то «принципы истории будут находиться вне самой истории, к истории будут применяться неисторические принципы, историческое время исчезнет, и станет ничем иным, как неисторическим временем» [戸坂潤, 1966d: 96]. Тосака пытается преодолеть эту ситуацию, которую он называет «стиранием исторического времени».

В пользу того, что феноменологическое время не является подлинным временем, Тосака приводит следующие аргументы:

1. «Время, чтобы быть временем, обязательно должно быть градуировано» [戸坂潤, 1966d: 97]. «Градуирование (фрагментирование) времени, представление его в качестве измеряемого предполагают его количественную оценку и пространственное определение. Однако именно градуирование времени само по себе делает время возможным» [戸坂潤, 1966d: 96]. Если время в сознании течёт непрерывно,

то оно является чистой длительностью. В этом случае оно не может быть подвергнуто никакому членению, так как в нём не может быть качественного различия между двумя точками [戸坂潤, 1966d: 96]. Однако в действительности сознание не представляет собой непрерывного потока, а скорее состоит из отдельных квантовых скачков.

2. «В действительности феноменологическое время, существующее в области сознания и опирающееся на соотношение между осознаваемым и неосознаваемым, уже перестаёт быть временем, и, что важно, жёстко связано с представлением о вечности. Вечные вещи являются противоположностью временных вещей...» [戸坂潤, 1966d: 96].

Вместе с тем Тосака констатирует, что и метод естественных наук, состоящий в применении деления для характеристики времени, часто приводит к тому, что время определяется дроблением на часы и установлением временных рамок, и в результате эти деления замещают само время. Со своей стороны, по мнению Тосаки, естественные науки сделали время полностью гомогенным, и деления его становятся произвольными и не имеют отношения к содержанию времени [戸坂潤, 1966d: 96].

Таким образом, в обоих случаях концепции времени представляют собой абсолютизацию отдельных его аспектов — с одной стороны, время, представленное как темпоральность, превращается в «вечное сейчас» и перестаёт быть временем, с другой — оно, подвергаясь произвольному делению, обретает пространственность и тоже перестаёт быть временем [戸坂潤, 1966d: 96]. В результате Тосака приходит к заключению, что обе эти концепции представляют полное отрицание исторического времени.

В противоположность этим двум подходам Тосака выдвигает предположение, что история имеет в своей основе собственное время, что «историческое время есть фундаментальное понятие для временных вещей» [戸坂潤, 1966d: 98]. Однако деление, составляющее основу этого времени, имеет свою специфику: «Историческое

время подразделяется на эпохи, которые представляют собой обособленные друг от друга периоды. Эти периоды отличаются от периодов в естественных науках... Это деление исходит из собственного содержания исторического времени, ...которое может быть бесконечно разнообразным...» [戸坂潤, 1966d: 98].

Тосака вводит понятие «характер» для определения содержания исторического времени. Характер, по его утверждению, это — стандарт, на основании которого устанавливается разделение. И в этом состоит коренное отличие периодизации исторического времени от времени естественных наук. В связи с этим Тосака пишет: «Периоды имеют различные характеры, а различные характеры дают нам периоды. Таким образом длительность (количественная составляющая) периода меняется в зависимости от природы (качественной составляющей) характера и наоборот. Поэтому данная периодизация отличается от периодизации в естественных науках. Это различие происходит исключительно из того факта, что исторические периоды определяются их историческим содержанием и средство постижения этого содержания — это категория характера» [戸坂潤, 1966d: 98]. Определяя эту специфическую категорию, Тосака даёт следующие образные пояснения: «Характер также может быть рассмотрен как чрезвычайно эластичный атом истории. Даже ещё лучшим примером может служить монада, которая, свободно дыша воздухом из открытого окна, сжимается и расширяется» [戸坂潤, 1966d: 98]. Далее, описывая эту категорию, Тосака отмечает: «Мы уже говорили, что “характер” — это понятие и средство для понимания истории. Однако это не значит, что его кто-то может придумать или создать. Он производится самой историей. Характер подобен плоду, который, когда созревает, падает с дерева истории. Когда он упадёт, люди обязательно должны его поймать. Точнее говоря, люди просто раскрывают характер внутри истории. Но также следует отметить, что манера, в которой люди принимают этот плод, зависит от характера самих этих людей» [戸坂潤, 1966d: 99].

Таким образом отдельной проблемой в понимании характера как «монады истории» становится вопрос о соотношении этого характера и исторического сознания людей.

В поисках выхода из этой проблемы Тосака выстраивает следующую зависимость: «Характеры людей — это не только характеры отдельных личностей; они определяются и поглощаются общим характером своих современников. Общий характер современников есть только одна сторона процесса, другой стороной которого является характер исторического периода» [戸坂潤, 1966d: 99].

Однако это не даёт объяснения причин вызревания «характера». Такое объяснение Тосака находит в марксистской исторической концепции общественно-экономических формаций. По его мнению, причиной, которая «заставляет плод упасть с дерева истории» является политика, которая в свою очередь обусловлена «материальными отношениями и производительными силами», которые определяют соответствующую модальность [戸坂潤, 1966d: 99].

Ещё одним аспектом, рассматриваемым Тосакой, является соотношение исторического времени, периода и характера [戸坂潤, 1966d: 99].

Если историческое время, рассматривается как «исторический принцип, проявляющий себя через периоды» [戸坂潤, 1966d: 99], то ответ на вопрос, что есть историческое время может быть дан только через убедительное определение такого периода. Период определяется как единица, обладающая собственным органическим единством, мерой и целостностью. В периоде историческое время осуществляет своё «формостроительство», и, складываясь, эпоха меняет сама себя. Это аналогично тому, как каждая форма жизни приближается к своей смерти, а в смерти зарождается новая жизнь [戸坂潤, 1966d: 100].

Вместе с тем Тосака устанавливает диалектическую связь между периодом и историческим временем как целым: «Эпохи — это ни что иное, как ступени диалектического развития исторического времени... Тем не менее изначально эпохи не имели смысла атомов, составляющих

историческую длительность, напротив они впервые были определены как части благодаря разделению исторического времени как целого на эпохи. Только благодаря отношению к историческому времени как целому образуются отдельные эпохи как его стадии» [戸坂潤, 1966d: 100]. Процесс образования эпох исторического времени Тосака выражает с помощью немецких слов *Konfigural*, *Konfiguralität*, означающих конфигуративный, конфигурация. Примечательно, что Тосака вводит специфическое понятие «историческое время как целостность» (*рэкиситэки дзикан дзэнтай*) и рассматривает историю как диалектическое единство этого целого и частей (исторических эпох).

Проблема настоящего в контексте истории

Отдельное внимание Тосака уделяет проблеме настоящего в соотношении с историей и историческим временем. Утверждая, что «мы не можем игнорировать факт, что мы живём в историческом времени» и при этом «живём в настоящем», Тосака пытается определить «место настоящего в историческом времени» [戸坂潤, 1966d: 100]. Он отличает своё понимание настоящего как от взглядов, сближающих настоящее с вечностью, так и от геометрического представления о настоящем как точки на линии, не имеющей длительности. Он пишет: «Настоящее есть часть конкретного периода, а именно современной эпохи (*гэндэй*)... Нынешняя эпоха — это особый период, обретающий конфигурацию через разделение исторического времени. То есть современная эпоха имеет ограниченную продолжительность (ни бесконечно короткую, ни длинную), но эта продолжительность не похожа на последовательность обычных чисел; это уникальный, особый период, на который влияет характер исторического времени, действующий как зависимая переменная. Почему настоящее время является уникальным, особым периодом? Потому что здесь, в настоящем, акцентируется целостность исторического времени. Потому что здесь находится ядро, фокус характера

исторического времени. Потому что здесь сконцентрирована трёхмерность исторического времени» [戸坂潤, 1966d: 101]. Иными словами — настоящее есть источник исторических действий и нарративов.

Характеризуя настоящее в контексте исторического времени как современную эпоху, Тосака отмечает: «Важно то, что нынешний период свободно расширяется и сокращается в пределах необходимости. В зависимости от ситуации настоящий период может быть сокращён до «сегодня» или «сейчас». Тем не менее, это «сейчас» имеет то же качество — ту же современность (*гэндзайсэй*), ту же реальность (*гэндзицусэй*) настоящего исторического периода» [戸坂潤, 1966d: 101]. Таким образом Тосака акцентирует пластичность и многогранность настоящего.

С другой стороны, японский мыслитель связывает реальность современности с «принципом повседневности», существованием в повседневном пространстве, предлагая таким образом совершенно оригинальный ракурс осмысления настоящего в контексте истории. При этом «принцип повседневности» сближается с понятием «характера». О роли «принципа повседневности» в истории Тосака пишет следующее: «...историческое время начинает подчиняться принципу повседневности. В принципе повседневности, в постоянном повторении одного и того же действия, хотя это и другой день, в обычном занятии чаепитием, в абсолютной неизбежности принципа повседневной жизни — в этих вещах заключено кристаллизованное ядро исторического времени; здесь кроется тайна истории. Понятие характера, которое, как мы говорили, имеет равную ценность с историческим временем, в действительности выступает теперь как принцип повседневности» [戸坂潤, 1966d: 101].

Своё понимание «принципа повседневности» Тосака выражает так: «Принцип повседневности — это принцип настоящего. Это принцип реальности, принцип фактивности [*дзидзицусэй*]. Соответственно, это принцип практики [*дзиссэнсэй*]. Подводя итог, можно сказать, что принцип повседневности — это принцип реальности

и фактической истины. Другими словами, это не принцип возможности, о чём мы не должны забывать» [戸坂潤, 1966d: 102].

Ещё одним аспектом, характеризующим настоящее в истории, у Тосака становится «необходимость», получившая в его рассуждениях своеобразное толкование: «Мы говорили, что настоящее управляется необходимостью и может быть сведено к “сегодня”. Но какая необходимость управляет им? Оно определяется необходимостью практической жизни» [戸坂潤, 1966d: 101].

История в результате рассматривается Тосака как повседневная практика, через которую «принцип повседневности» управляет историческим временем.

Выводы

Свои подходы к пониманию пространства, времени и истории Тосака Дзюн во многом сформировал в ответ на философию пространства и времени Канта и представителей феноменологии. Частично восприняв некоторые кантианские идеи, в частности «вещи в себе» и «априорных форм сознания», он в то же время стремился преодолеть представления о времени и пространстве, сосредоточенные исключительно на сознании, и найти их основания в повседневной социальной практике конкретных людей.

В отличие от традиции Киотоской школы, его ответ был дан не с позиции мировоззрения, обусловленного буддизмом, а опираясь на западные же философские учения, и прежде всего марксизм.

Историческое учение Маркса стало для Тосаки наиболее близким по духу примером осмысления исторического времени как разделенного на самодостаточные формации, однако сам японский философ развивает эту идею скорее как теорию неравновеликих циклов, формирующихся изнутри исторического целого и обладающих внутренней завершенностью. В то же время японский философ-неомарксист отказывается от традиционной для марксизма общепринятой линейности времени и присутствия ценностного подхода к истории. Он ввёл целый ряд понятий, расширяющих

приняту в классическом марксизме концепцию социально-исторической практики, а именно — характер, конфигурация, актуальность, непосредственность, имманентность момента настоящего. И, наконец, он переосмыслил марксистскую философию истории через призму концепции повседневности.

Принцип единства пространства и времени, общий для подавляющего большинства японских философов, Тосака Дзюн как последователь материализма обосновывает через понятие материи, формами существования которой, с его точки зрения, являются пространство и время. Вместе

с тем пространство повседневности, меняющее свою конфигурацию, представляет собой совокупность комбинаций настоящего, которые составляют тотальность исторического времени. В результате пространство повседневности, образованное конкретными людьми, ведущими свою обычную жизнь, и историческое время составляют единое целое, внутри которого формируются и исчезают гетерогенные пространственно-временные монады, обладающие собственным специфическим социальным пространством и собственной темпоральностью.

Список литературы:

- Тосака Д. Японская идеология. — Москва: Прогресс, 1982. — 250 с.
- Хирабаяси Ясуюки. Тосака Дзюн. — Москва: Прогресс. 1965. — 286 с.
- Brink D.A. *Philosophy of science and the Kyoto School. An Introduction to Nishida Kitaro, Tanabe Hajime and Tosaka Jun.* — London: Bloomsbury Academic, 2021. — 225 p.
- Harootunian H.D. *Introduction // Tosaka Jun: A Critical Reader.* — Ithaca, New York: East Asia Program Cornell University, 2013. — P. XV–XXXV.
- Shimizu K. *Materializing the 'non-Western': two stories of Japanese philosophers on culture and politics in the inter-war period // Cambridge Review of International Affairs.* — 2015. — Vol. 28, № 1. — P. 3–20. <http://dx.doi.org/10.1080/09557571.2014.889083>
- Prooi D. *Modern Idealism in Disguise. On the Principles for a Critique of Hermeneutic Philosophy // European Journal of Japanese Philosophy.* — 2020. — № 5. — P. 311–333.
- Yoon J. Oh. *Tosaka Jun's Spatial Theory and Reflections on Film // Mediapolis.* — 2020. — № 10. — URL: <https://www.mediapolisjournal.com/2020/10/tosaka-juns-spatial-theory-and-reflections-on-film/>
- 戸坂潤. 空間について // 戸坂潤全集 第1巻. — 東京: 勁草書房, 1966a. — 365–517頁. [Тосака Д. О пространстве // Полное собрание сочинений Тосака Дзюна. Т. 1. — Токио: Кэйсо:сёбо;, 1966a. — С. 365–517].
- 戸坂潤. 空間論 // 戸坂潤全集第3巻. — 東京: 勁草書房, 1966b. — 239–266頁 [Тосака Д. Теория пространства // Полное собрание сочинений Тосака Дзюна. Т. 3. — Токио: Кэйсо:сёбо;, 1966b. — С. 239–266].
- 戸坂潤. 日常性について // 戸坂潤全集第4巻. — 東京: 勁草書房, 1966c. — 136–141頁. [Тосака Д. О повседневности // Полное собрание сочинений Тосака Дзюна. Т. 4. — Токио: Кэйсо:сёбо;, 1966c. — С. 136–141].
- 戸坂潤. 日常性の原理と歴史的時間 // 戸坂潤全集第3巻. — 東京: 勁草書房, 1966d. — 95–104頁. [Тосака Д. Принцип повседневности и историческое время // Полное собрание сочинений Тосака Дзюна. Т. 3. — Токио: Кэйсо:сёбо;, 1966d. — С. 95–104].

References:

Brink, D. A. (2021) *Philosophy of science and the Kyoto School. An Introduction to Nishida Kitaro, Tanabe Hajime and Tosaka Jun.* London: Bloomsbury Academic.

Harootunian, H. D. (2013) 'Introduction', in *Tosaka Jun: A Critical Reader*. Ithaca, New York: East Asia Program Cornell University, pp. XV–XXXV.

Hirabayashi, Ya. (1965) *Tosaka Jun*. Moscow: Progress (in Russian).

Shimizu K. (2015): 'Materializing the 'non-Western': two stories of Japanese philosophers on culture and politics in the inter-war period', *Cambridge Review of International Affairs*, Vol. 28, № 1, pp. 3–20. <http://dx.doi.org/10.1080/09557571.2014.889083>

Prooi, D. (2020) 'Modern Idealism in Disguise. On the Principles for a Critique of Hermeneutic Philosophy', *European Journal of Japanese Philosophy*, № 5, pp. 311–333.

Tosaka, J. (1966a) 'Kukan ni tsuite [About Space]', in *Tosaka Jun zenshū, I* [Complete Works of Tosaka Jun, Vol. I], Tokyo: Keisōshobō, pp. 239–266 (in Japanese).

Tosaka, J. (1966b) 'Kukanron [Theory of Space]', in *Tosaka Jun zenshū, III* [Complete Works of Tosaka Jun, Vol. III], Tokyo: Keisōshobō, pp. 239–266 (in Japanese).

Tosaka, J. (1966c) 'Nichijōsei ni tsuite [About Everydayness]', in *Tosaka Jun zenshū, IV* [Complete Works of Tosaka Jun, Vol. IV], Tokyo: Keisōshobō, pp. 136–141 (in Japanese).

Tosaka, J. (1966d) 'Nichijōsei no genri to rekishiteki jikan [The Principal of Everydayness and Historical Time]', in *Tosaka Jun zenshū, III* [Complete Works of Tosaka Jun, Vol. III], Tokyo: Keisōshobō, pp. 95–104 (in Japanese).

Tosaka, J. (1982) *Yaponskaya ideologiya* [Japanese Ideology], Moscow: Progress (in Russian).

Yoon, Jeong Oh. (2020) 'Tosaka Jun's Spatial Theory and Reflections on Film', *Mediapolis*, (10). URL: <https://www.mediapolisjournal.com/2020/10/tosaka-juns-spatial-theory-and-reflections-on-film/>

Информация об авторе

Любовь Борисовна Карелова — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора восточных философий Института философии Российской академии наук. 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Liubov B. Karelova — PhD (Philosophy), Senior Researcher, Department of Eastern Philosophies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, Russia, 109240 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 21.09.2024; одобрена после рецензирования 05.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 21.09.2024; approved after reviewing 05.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.